

25 сентября 1954 года утро было солнечным, а настроение приподнятым. Вечером предстояла встреча с близкими друзьями за праздничным столом по случаю моего дня рождения. Их мы с женой пригласили еще за неделю. Давно не собирались, очень хотелось повидаться, да и предлог был. Я с особой тщательностью проделал утренний туалет, с аппетитом позавтракал и свеженьким, в новом костюме, не торопясь, отправился на работу пешком.

По счастливому совпадению сегодня вроде не было срочных дел. Выдалось редкое время на свежую голову подумать о том, что бы еще нового и полезного внедрить в практику работы строительных организаций нашего главка, поговорить поподробнее с каждым из сотрудников отдела и определить направление дальнейшей работы. С этими мыслями, тепло приветствуя сотрудников, я вошел в комнату и сел за свой стол.

Уже целых два часа меня не тревожили ни начальник главка, ни его три заместителя. Возможно, и они сегодня решили с утра над чем-либо подумать в одиночестве.

Однако, этот редкий штиль был нарушен появлением Галины Николаевны – секретаря начальника главка.

- Николай Алексеевич, Вас срочно вызывает министр, - сообщила она.

- А Льва Владимировича? – спросил я.

- Нет.

- А кого еще из главка?

- Никого, только Вас.

Странно, подумал я. Что бы это могло быть? Может начальник главка уже знает и с ним министр о чем-то переговорил?

Но Лев Владимирович, а также его заместители ничего о вызове не знали. У кого бы это еще выяснить? Ведь в таких случаях никогда не вредно хотя бы как-то собраться с мыслями и быть уже готовым к вопросу.

Позвонил Петру Ивановичу – заместителю начальника секретариата министерства, моему хорошему знакомому, который раньше, во время его учебы на вечернем отделении строительного института, в процессе подготовки дипломного проекта, часто обращался ко мне за советами. Но и он ничего ответить не мог.

Дальше медлить было нельзя, министр не терпел, когда долго разыскивали требовавшихся ему работников, а тем более, если задерживались вызываемые работники после того, как им было сообщено о вызове.

Я вошел в его приемную и поздоровался с секретарем.

Она ответила на приветствие и жестом руки указала на дверь кабинета, добавив:

- Проходите, пожалуйста.

Министр сидел за своим столом и просматривал бумаги. За примыкавшим длинным столом сидели его заместитель по строительству, руководящие работники ряда главков, в том числе все руководство Главалюминия.

Я подошел ближе и поздоровался. Министр, не меняя позы головы, приподнял глаза от бумаг, посмотрел, прищурившись на меня, и слегка кивнув головой в сторону длинного стола, сказал:

-Садись.

Я сел. Все молчали. Министр выглядел хмурым и, по-видимому, был чем-то расстроен и озабочен. Чувствовалась какая-то напряженность, и лишь мягкие лучи солнца, расплескавшиеся по ковру и стенам, еще доносили остатки так хорошо начавшегося утра.

Дочитав очередную бумагу и написав на ней резолюцию, толстым синим карандашом, который он держал всегда по-особенному, министр обратился к начальнику секретариата и спросил:

-Все собрались?

-Все Петр Фадеевич, ответил тот.

Министр встал и, прохаживаясь вдоль стола, не глядя на присутствующих, сказал:

- На Днепровском алюминиевом заводе в Запорожье произошла авария. Сегодня утром около 7 часов рухнул трехэтажный склад. Это произошло в момент окончания смены – рабочие загружали склад глиноземом в мешках. Большинство из них успело выйти, но семь человек нет. Они находились на втором этаже склада и, по-видимому, оказались заваленными, возможно погибли. Надо немедленно выезжать на место и разбираться.

Он перечислил состав комиссии из 5 человек, назвав, в том числе и мою фамилию, а затем обратился ко всем:

-Ну а возглавит комиссию, я думаю, тов. Жук, он человек наиболее нейтральный. Вопросы будут?

Все молчали. Министр подошел к телефону и, не садясь, набрал четырехзначный номер и, услышав ответ, проговорил:

- Здравствуй, Ломако говорит. У нас в Запорожье на заводе серьезная авария. Надо чтобы срочно вылетела комиссия от министерства. Помогите, пожалуйста. Может быть с каким-нибудь очередным рейсовым самолетом можно наших товарищей отправить или, в крайнем случае, дай "специальный".

Наступила пауза, по-видимому, министр говорил с начальником главного управления гражданского воздушного флота и тот, не кладя трубку, что-то выяснял. Но вот разговор возобновился, министр слушал и в конце сказал:

-Хорошо, спасибо тебе, они часа через полтора будут на аэродроме.

Положив трубку, он продолжал, уже обращаясь персонально к нам, членам комиссии:

- Сейчас должен улететь самолет на Харьков, но в виду особых обстоятельств, его задержат, подождут вас и сразу полетят на Запорожье. А ты – сказал он начальнику секретариата – подготовь сейчас же на всех командировочные удостоверения и достань им хотя бы по тысяче рублей, а то ведь кассира, наверное, нет?

- Нет – ответил начальник секретариата – он как всегда уезжает в это время в банк и бывает только к 3 часам.

-Ну, доставай где можешь – сказал министр – и приноси вместе с командировочными сюда, да предупреди гараж, чтобы сейчас же подготовили две машины и отвезли быстро товарищей во Внуково.

Он вновь отошел от стола, поглядел на всех и добавил:

- Ну, вот так – давая понять, что разговор по поводу аварии окончен.

Мы тоже встали со своих мест. Рухнули все мои личные планы сегодняшнего дня. Я в какой-то момент ощутил растерянность, но тут- же собрался с мыслями. Очевидно, надо немедленно позвонить жене, рассказать вкратце о случившемся и просить, чтобы она позвонила всем приглашенным друзьям. А может быть сказать ей, чтобы провели время без меня и не ломать настрой. Ведь каждый из друзей как-то готовился и не велика уж беда, если не будет хозяина, увидят жену, ребят, поговорят друг с другом. Это тоже не так плохо. А если сказать об этом министру и попросить меня заменить – мелькнула дерзкая мысль. Но разве можно в такой момент так действовать, просто глупо буду выглядеть. В лучшем случае он меня отчитает, а то могу вызвать и презрение. Но, с другой стороны, - продолжал мысленно анализировать я – ничего практически исправить невозможно. Авария произошла. Остается на месте разобраться в причинах. Я рядовой член комиссии и наверняка могу быть заменен еще кем-либо, даже из нашего главка.

Я допускал возможность на месте министра поступить именно так. Ведь в любой из моментов в мире бывают и несчастья и радости. И если без ущерба для дела можно сохранить для людей радости, то надо это делать и даже стараться, чтобы побольше сохранить этих радостей. Ведь от них в конечном итоге куда больше пользы, чем от огорчений.

Был момент, когда министр еще некоторое время продолжал прохаживаться вдоль кабинета, задавал вопросы начальнику Главлюминия и бросал свой испытующий взгляд то на одного, то на другого члена комиссии, как бы проверяя правильность сделанного выбора. Это была своеобразная пауза, и когда он вновь перевел взгляд на меня, я внезапно решился, подошел к нему и, продолжая идти за ним, обратился к нему:

- Извините, пожалуйста, меня Петр Фадеевич за необычное обращение в такой обстановке. Я понимаю, что это неудобно, но я хочу просить Вас заменить меня кем-либо другим без всякого ущерба. Я даже могу, если Вы разрешите, договориться с товарищем, который сможет поехать вместо меня и выполнит работу в комиссии не хуже. Дело в том, что у меня сегодня день рождения, и мы с женой пригласили на вечер всех старых наших товарищей по учебе. Сейчас даже невозможно их всех оповестить. Вот я решился об этом откровенно Вам сказать, хотя и понимаю, что это обращение выглядит не совсем уместным.

Министр остановился и направил на меня пронизательный взгляд. "Что- то будет" подумал я. Но вот его глаза лукаво прищурились, на губах появилась ухмылочка и, уже улыбаясь, он спросил:

- А сколько тебе лет?

- Тридцать девять.

- Ну, на следующий год уже сорок отпразднуешь – ответил он, и мы оба рассмеялись.

Я был уже даже доволен, что так закончился мой разговор, и вышел в секретариат. Позвонил жене, рассказал коротко обо всем, что произошло и что я думаю по поводу вечера. Упрекнуть меня, что я "уж не мог договориться" она не могла, так как я сделал действительно все возможное. Но ее уже волновал мой новый костюм. Она посоветовала мне переодеться, но поняла, что это невозможно, когда я сказал ей, что не могу же я еще раз обращаться к министру и просить разрешить заехать для этого домой, когда специально задержали рейсовый самолет. И мы попрощались.

Вошел начальник секретариата с деньгами и командировками и мы оба вновь прошли в кабинет министра. Он доложил, что с большим трудом разыскал деньги, пришлось даже просить некоторых товарищей вынуть "личные оборотные средства из сейфов" под клятвенные обещания, что к вечеру им все будет возвращено.

Мы получили подписанные тут же министром командировки, деньги и отправились прибирать свои рабочие столы, условившись, что через 15 минут соберемся у подъезда, где будут ждать машины.

После того, как мы уселись в самолете, и он был тут же отправлен, остальным пассажирам стало ясно, что задержка вылета на 1 час 40 мин. произошла из-за нас. Мы замечали явно недружелюбные взгляды и слышали отрывки фраз возмущения по нашему адресу и по поводу порядков в Аэрофлоте. Это была естественная реакция, кому приятна бесцельная трата времени на ожидание?

Самолет набрал высоту, мерно гудели моторы, наконец, возмущение улеглось, успокоились и наиболее экспансивные пассажиры.

В салоне появился командир корабля.

- Добрый день, товарищи пассажиры! Попрошу минуточку внимания – произнес он. Мне поручено извиниться перед вами за задержку вылета самолета по причинам независящим от нас. Но я вынужден дополнительно огорчить вас. По приказу начальника нашего главного управления самолет сначала полетит в Запорожье, высадит пассажиров, которым срочно надо там быть, а затем вернется в Харьков. Это удлинит наш рейс еще минут на 30 – 40.

Салон словно взорвался. Некоторые вскочили с мест и с гневными лицами, жестикулируя, и перебивая друг друга, направились к командиру корабля.

- Это безобразие! Это произвол! Вы обязаны лететь по расписанию! Наверное, это приятелям вашего начальства потребовалось быстро в Запорожье, а мы должны страдать. У нас тоже есть дела. Мы тоже

опаздываем. Это только у нас такие порядки. Мы требуем, чтобы Вы летели в Харьков, мы будем писать в ЦК, в Правду...

Положение командира корабля было явно критическим и я, чувствуя за собой долю вины в произошедшем, решил придти к нему на помощь.

- Товарищи, успокойтесь, ну причем тут командир корабля, ведь он только исполняет распоряжение. Он же не может его не выполнить по вашему требованию, и на нас вы не смотрите, как на каких-то проныр. Мы такие же, как и вы, исполняем срочное служебное поручение. Мы сами спокойно сегодня с утра работали и не ожидали, что нам придется немедленно вылетать. Ведь бывают же такие серьезные обстоятельства. Что же можно было сделать? – задавал я вопрос теперь уже наседавшим на меня пассажирам, и сам же отвечал – Послать ради пятерых человек специальный самолет в Запорожье? Это государству слишком начетисто. Ждать рейса по расписанию долго и нельзя по обстоятельствам. Так вот и было решено - уж лучше немного задержать вылет самолета на Харьков и отправить нас с ним в Запорожье.

- Хорошенькое "немного" – уцепилось сразу несколько человек – да еще сначала в Запорожье!

Но цель все же, кажется, была достигнута, гнев и возмущение стали переходить в рамки обычной дискуссии.

- Вы говорите срочное служебное поручение – горячился один пассажир – у меня тоже очень срочное служебное поручение в Харьков и я еще не знаю, у кого из нас важней и у других могут быть служебные поручения. Наконец, многие просто спешат. Их встречают родные, близкие, чем они хуже?

- Вы по-своему правы – отвечал я – но ведь когда спешит скорая помощь, уступает же ей дорогу весь транспорт. Вот и в данном случае вы должны тоже уступить. Таковы обстоятельства.

Это, кажется, подействовало. Каждый из споривших про себя по-видимому подумал: "В Запорожье что то случилось и значит сначала надо лететь туда". Наступила пауза.

Командир корабля еще раз извинился, поблагодарил меня за помощь и ушел в пилотскую кабину. Я прошел на свое место и по инерции еще продолжал размышления и спор. Может быть, я излишне сыграл на чувствах наших отзывчивых людей и они подумали, что действительно кому то нужна неотложная помощь? А ведь фактически ничего, собственно, исправить было нельзя. Может быть, кто-то из них подумал, что мы медики и летим кого-то спасать?

И все-таки, помощь была нужна и именно неотложная. Там переживали горе не только родственники и знакомые попавших в беду, но и весь коллектив завода, а их куда больше, чем летящих в самолете. У многих, вероятно, еще теплилась надежда, что люди живы и многое зависит от того, какие меры и как скоро будут предприняты общими соединенными усилиями. Да, все было сделано правильно, заключил я. А самолет уже шел на посадку.

Мы поблагодарили экипаж, еще раз извинились перед пассажирами и пожелали им счастливого пути. И в ответ мы уже услышали:

- До свидания. Желаем вам сделать все, что нужно.

- Спасибо – были наши последние слова.

Мы еще не успели дойти до ожидавших нас машин, а самолет уже поднялся в воздух. Я помахал ему вслед, как провожают своих хороших знакомых.

Мы подъехали прямо к месту аварии. Вместо большого трехэтажного склада была громадная куча из кирпича, железобетонных конструкций и бумажных мешков с глиноземом, которыми загружался этот склад. Она была похожа по форме на свежую, еще не оправленную могилу, прикрытую сверху, словно ватной стеганой черной курткой из обрушившейся и поломавшейся кровли. Как белая мука из разорванных пакетов продолжал струйками высыпаться глинозем и, подхватываемый движением воздуха, образовывал пыльное облако. То там, то здесь поднимались пучки искр расплавленного металла, сдуваемого газорезками, стрекотали отбойные молотки, гудели компрессоры и автомашины, на которые грузились отделяемые куски железобетонных конструкций.

Как муравьи облепили этот холм рабочие и солдаты, которые прибыли на помощь. Это был аврал.

Здесь же, на площадке, находились руководители завода и треста. Мы поздоровались. Нас представили секретарю обкома тов. Гаевому, который стоял тут же. Мы вкратце изложили намеченный предварительно в дороге план наших действий. Он сводился к тому, чтобы немедленно ознакомиться с основными чертежами рухнувшего здания, опросить работавших на складе и установить возможное место, где могли находиться люди в момент обрушения. Надо было еще раз все проверить и не допустить ошибки в уже принятом порядке разборки завалов. Я согласен, сказал Гаевой и добавил – обком тоже образовал свою комиссию, с которой вам целесообразно связаться, с тем, чтобы использовать ее соображения.

Мы попросили директора завода и управляющего строительным трестом отвести нам рабочую комнату и направить с нами заместителей директора завода, ведавших капитальным строительством и складским хозяйством, а также главного инженера строительного треста. Они дадут нам чертежи, помогут быстрее опросить нужных людей.

Проанализировано услышанное, отмечены на планах места, где, скорее всего, остались люди. Теперь бегом обратно.

Минутный совет с руководителями завода и треста. В натуре уточняю направления разборки завалов. Вот здесь и здесь на втором этаже и здесь на первом должны быть люди. Давайте вот в этих местах будем пробивать

бетон, оголять и обрезать арматуру. Вот здесь легче и безопаснее добраться. Вот эти куски будем стропить, и поднимать краном, а эти можно стаскивать прямо бульдозером. Там увидим, что дальше. Зачаливайте трос. Вы пока перебрасывайте эти мешки и уходите, когда кран будет поднимать или потянет бульдозер. Петров, Вы следите, чтобы никто не находился под грузом. Эй, ребята, не лезьте дальше, уйдите сейчас же оттуда, видите навис уже какой кусок, может сползти и придавить. Давайте сначала его уберем краном. Зайцев, следи, чтобы не подлезали под обломки. Нельзя выворачивать эту балку, только поднимать. Давай сюда с газорезкой, перережь здесь арматуру. Крановщик, не грузите эту часть колонны, положите ее в сторону, она будет нужна для анализа.

Непрерывно смещаясь и чередуясь, обливаясь потом, пропитанные и покрытые белой пылью рабочие треста и военнослужащие, вгрызались в месиво камня и железа.

Уже полночь, а за оцеплением в заводском дворе полно народу. Не уходят рабочие, давно окончившие смену. Ждут...

- Здесь, ребята, будьте очень аккуратны. Тут должны быть они.

- Постой, постой, осторожней! Человек!!! Вот голова. Весь засыпан.

Придавило мешками. Ох, бедняга. Даже закрыл глаза рукою.

- Кто же это? Вроде Смирнов. Ну да, он.

- Убирайте все вокруг.

Его поддерживали за руки, пока откапывали, бережно приподняли, когда освободили ноги, и уложили на носилки скорой помощи. Но она была уже не нужна.

К четверем утра был откопан последний. Он успел выпрыгнуть из окна, но не успел отбежать, его накрыла рухнувшая стена. И слезы грусти и досады, словно капли ненастья на окнах, в пятый раз проскоблили змейки на запыленных лицах.

Ну, а что же явилось причиной несчастья? По чьей вине погибли люди? На эти вопросы ждали ответа коллективы завода и треста.

Собрались три комиссии (приехала также комиссия ЦК профсоюза). Решили обсудить порядок дальнейшей работы, чтобы не было параллелизма и не дергать лишний раз людей по одному и тому же вопросу. Я решил высказаться:

- Товарищи, сейчас мы должны в первую очередь заняться технической стороной вопроса, установить фактическую загрузку склада, проверить исполнительскую документацию у заказчика и журналы работ у строителей,

проверить расчеты проектантов и выполнить проверочный расчет напряжений в конструкциях на фактическую нагрузку. На результатах этой работы должны базироваться выводы всех комиссий. Инженерный вывод должен быть один и нам надо объединить усилия. Я предлагаю организовать единую техническую комиссию.

Со мной согласились. Но недаром говорят, что инициатива наказуема. Председатели всех трех комиссий почувствовали, что это не только правильно, но и значительно облегчит их личную дальнейшую работу. И вот уже я избран председателем объединенной технической комиссии. В нее вошли специалисты трех комиссий. Тут и главный технолог крупнейшего треста "Запорожстрой", главный инженер Запорожского отделения Промстройпроекта, начальник Облпроекта, два главных конструктора ведущих проектных институтов министерства, начальник производственного отдела Главалюминия. Все опытные инженеры.

Мы быстро договорились о плане наших действий. Решили начать с самого важного исходного момента – выявления фактической загрузки склада.

- Мы клали мешки аш под самые балки, говорили рабочие.
- Мешки клали точно на высоту 3,5 метра, как по проекту и как позволяет тельфер – говорили начальник склада и заместитель директора завода.
- Где тельфер, так только там и оставался узкий проход, а выше тельфера мы поднимали все вручную и складировали – возражали рабочие.
- Нам начальство говорило не оставляйте места, закладывайте плотнее, а то глинозему много поступило, а девать будет некуда.

Правдивость заявлений рабочих подтверждалась и журналами поступления глинозема и осмотрами и определениями на месте обрушения склада.

И вот воссоздана картина. Третий этаж склада, имевший пятиметровую высоту, был загружен под потолок по всей ширине и не мешками с содой, для которой предназначался склад, а мешками с глиноземом, с объемным весом почти в два раза большим, чем у соды. Фактическая нагрузка на квадратный метр перекрытия была почти в 2,5 раза больше расчетной.

А дальше проверочные расчеты и вывод – под такой нагрузкой могли не выдержать не только кирпичные стены, но и одна из железобетонных колонн, которые, как и стены, служили опорами для перекрытий. Вот поэтому-то все здание и обвалилось, как карточный домик.

Казалось бы все просто, чего же более. Но заместитель директора завода, лично дававший указания о загрузке склада и почувствовавший свою ответственность за происшедшее, стал утверждать, что склад не обрушился, если бы строители не допустили плохое качество работ.

Слов нет, качество работ строителей не на высоте, но ведь даже при нем перекрытие держало нагрузку намного больше проектной и, можно сказать, выдержало испытание, обрушилось именно под той нагрузкой, под которой ему и надлежало обрушиться.

Но, не смотря на это, проверено было буквально все – и журналы производства работ, и акты на скрытые работы, сделаны натуральные обмеры, чтобы убедиться, не уменьшили ли строители размеры конструкций и количество арматуры, проведены контрольные испытания образцов разрушившихся конструкций.

Говорили, что могло произойти замачивание грунта в основаниях фундаментов под стены и колонны. Ведь грунты то лессовидные, а недалеко линии и водопровода и канализации, и даже лед складывали в прошлом году. Могли и бетон заморозить, когда бетонировали колонны. Все могло быть. И все было проверено. Даже учли, что стены и колонны делались в разное время, имели разные нагрузки на единицу площади фундамента и у них были разные осадки. И от этого, бывает, рушатся конструкции.

Установили и дефекты проекта и производства работ, но в то же время и пришли к твердому выводу, что все эти дефекты несущественны. Они не могли повлечь аварию, если бы не перегрузка. Но об этих дефектах надо было знать, чтобы на таком горьком уроке все могли сделать нужные для себя выводы.

Гораздо легче было заново сделать проект такого здания, чем скрупулезно разобрать все обстоятельства, связанные с его обрушением.

Таков этот на вид незаметный труд в виде технического заключения на нескольких страницах и столь же лаконичных приложений его обосновывающих.

Но каждый проектировщик и производственник – строитель знает цену этому труду, если он выполнен бескомпромиссно, по всем правилам инженерной практики, и дает подробную картину во всех слагающих.

После этого не трудно было установить, кто и в чем виноват. Комиссии пришли к единому выводу, а министерством был издан специальный приказ.

За преступное отношение к своим служебным обязанностям были сняты с работы и отданы под суд заместитель директора и начальник складского хозяйства. Снят был директор завода и направлен на рядовую работу, сняты были с работы и другие ответственные работники завода.

Получили взыскания и руководящие работники Главалюминия и, в том числе, член нашей комиссии, который будучи до этого случая в командировке в Запорожье и зная, что должен прибыть на завод глинозем, не подумал, как его разместить.

Приказ содержал много важных и нужных мероприятий по устранению последствий аварии и по предупреждению повторения подобных случаев на других заводах.

Он был строг, но справедлив и стал уроком для всех работников системы Министерства.